

Но такъ какъ щедръ и милостивъ Господь и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его, то Онъ ли не воздастъ творящимъ милость во имя Его?! А по сему, когда милость ваша будетъ оскудѣвать въ крѣпости ея и силѣ, вознесите тогда теплыя молитвы къ Отцу щедротъ и всякія утѣхи, и Онъ, по неложному слову Единороднаго Сына Своего, даруетъ Свою милость, просящимъ ее у Него.

Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ. Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя. Пробави, Господи, милость Твою вѣдущимъ Тя. Да славится милость Господня изъ вѣка въ вѣкъ множествомъ милости Его (Пс. 105, 7). Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная Преосвящ. Никаноромъ, на панихидѣ по Н. В. Гоголѣ—21 февраля 1902 года, въ Орловскомъ Каѳедральномъ соборѣ.

Христіане братіе! Усердно прошу васъ помолиться о упокоеніи раба Божія Николая Васильевича Гоголя, скончавшагося ровно 50 лѣтъ назадъ.—Мы назвали великаго писателя рабомъ Божиимъ потому, что онъ по истинѣ, а не обычному названію, былъ добрымъ и вѣрнымъ рабомъ Божиимъ.

Какъ великій поэтъ, онъ родился съ великими дарованіями поэтическими. Рано лишившись отца, котораго онъ чтить, какъ „высокое существо“, какъ „благодѣтеля, утѣшителя“ и „небеснаго ангела-хранителя“, Николай Васильевичъ предался великой грусти, которая была непонятна его сверстникамъ. Школьники смѣялись надъ его сосредоточенностію, и это повело его

къ наибольшей самозамкнутости, а вмѣстѣ и къ развитію его саркастическаго таланта, который нерѣдко выражался такъ умно и рѣзко, что слышавшіе его умныя рѣчи—восторгались имъ, а тѣ, на которыхъ падала его сокрушительная насмѣшка, долго не могли простить ему обиды.—И вотъ онъ замыкался еще болѣе. Только въ часы общихъ шутокъ,—въ насмѣшливой игрѣ, онъ какъ бы просыпался, ибо геній его тогда раскрывался въ могущественныхъ чертахъ. Видя эти блестящіе порывы, и его начальники находили, что онъ можетъ быть наилучшимъ, когда онъ того пожелаетъ. И онъ возжелалъ славы умнаго писателя и отдавался юнымъ мечтамъ настолько, что они захватывали его всего.

Но одиночество души мятежной такъ подавляло его, что онъ готовъ былъ лишиться и жизни. Но „чувство благоговѣнія къ Всевышнему“ спасло его. И онъ восклицалъ: „благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести“!

Когда онъ явился въ высшій свѣтъ, издалъ свои первые блестящіе труды, предъ нимъ сразу преклонились многіе почитатели юмора. Онъ задумалъ великія творенія въ поэтически-образной формѣ, бичующія явленія злобы и порока. И отчасти создалъ ихъ. Какъ давно носившіеся въ душѣ поэта,—онъ какъ-бы разомъ вылились изъ души его. Преклоненіе предъ нимъ стало почти всеобщимъ. Только онъ самъ не поклонился себѣ, ибо онъ зналъ твердо, что онъ рабъ Божій и что главный виновникъ или творецъ всего „Тотъ, кто располагаетъ всѣмъ и противъ Кого идти трудно человѣку“. И онъ не пошелъ противъ Бога, какъ пошли другіе безсмертные писатели, изъ коихъ и нынѣ одинъ тщетно возстаетъ на Бога и Христа Его, не желая при-

знать въ с
торый мо
гущимъ.

Покор
колай Васи
кто судья
ніе неподс
ставило ег
что во мно
самаго. Он
статковъ и
роямъ, ихъ
же надъ н
евъ говори
меня (смѣя
явились пр
смѣхъ слез
успокоить
кого судит
надъ собой
дально-вид
А онъ меж
не находя
кости его ч
родинѣ вел
здалъ тонк
готовиться
ченіемъ св
чавши осун
писку къ д
его духа, в
Его опять
тельствва (п

знать въ себѣ раба Божія, и изображаетъ титана, который могущественно, но тщетно борится съ Всемо-
гущимъ.

Покоряясь вседушевно Богу-Вседержителю, Николай Васильевичъ, кажется, задалъ себѣ вопросъ: ты кто судяй чуждому рабу? (Рим. 14, 4). И это сознание неподсудности ему тѣхъ, кого онъ осмѣивалъ, заставляло его опустить руки. Онъ оправдывался тѣмъ, что во многихъ своихъ твореніяхъ онъ осмѣивалъ себя самого. Онъ говорилъ: „я отъ многихъ своихъ недостатковъ избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться“. Но одинъ изъ его же героевъ говорилъ: „оставьте меня, зачѣмъ вы обижаете меня (смѣясь надо мною), я братъ вашъ“... И вотъ—явились произведенія, въ которыхъ блещутъ сквозь смѣхъ слезы... Но въ глубинѣ души и это не могло успокоить тревожную совесть поэта, нежелавшего никого судить... И онъ рѣшилъ болѣе не смѣяться ни надъ собой, ни надъ другими... Его стали упрекать, недально-видя думая, что онъ предался нѣгѣ и лѣни. А онъ между тѣмъ изнывалъ въ тоскѣ и мукахъ, ни гдѣ не находя покоя отъ людей, не понимавшихъ ни тонкости его чувствъ, ни глубины его тоски и печали о родинѣ великой, ея грѣхахъ и заблужденіяхъ. Онъ создалъ тонкую систему творчества, къ которому нужно готовиться подвигомъ самосовершенствованія, молитвой, чтеніемъ свящ. Писанія и твореній св. Отцевъ. И начавши осуществлять эту систему, онъ открылъ переписку къ друзьямъ, въ которой полагалъ все силы своего духа, всю свою энергію, все помыслы и упованія. Его опять не понимаютъ, удерживаютъ отъ этого писательства (проповѣди, какъ говоритъ одинъ критикъ).

Но онъ настаиваетъ. Онъ убѣжденъ, что именно эта книга полезна для всѣхъ. Другу одному онъ писалъ: я дѣйствовалъ твердо, во имя Бога, когда писалъ эту книгу, во славу Его святаго имени взялъ перо, а потому и разступились предо мною всѣ преграды и все останавливающее безсильнаго человѣка! Но друзья не только разступились, но и отступились отъ него, ибо онъ, какъ истинный рабъ Божій, сталъ не отъ міра сего.—Если-бы онъ продолжалъ быть отъ міра сего, то міръ продолжалъ бы любить его. Но такъ какъ онъ показалъ себя человѣкомъ иного высшаго мира духовнаго, то міръ и возненавидѣлъ его. Нашлись даже такіе фанатики міра и всѣхъ прелестей его, что провозгласили непонятого високаго ума человѣка сошедшимъ съ ума. И здѣсь, сбилось слово Писанія: мы проповѣдуемъ Христа распята—Еллиномъ (мудрецамъ) безуміе, а намъ—(Христіанамъ) силу и премудрость.

Прощаясь съ жизнью, смиренный Николай Васильевичъ, въ порывѣ самоотрицанія и самоуничженія, сжегъ все, что попало ему подъ руки, т. е. всѣ своирукописи. Это было 21 февр. 1852 г. Съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ много-различнаго сужденія о немъ и его твореніяхъ, изъ которыхъ одни произведенія молодости—изучались молодежью, а другія произведенія зрѣлаго ума едва ли къмъ и видимы были, не только изъ юношей, но и людей почтенныхъ. А между тѣмъ, въ нихъ-то и заключается вся душа великаго писателя земли русской. А потому мы, братіе, собравшіеся для молитвы о почившемъ, по молимся усердно: да упокоитъ Господь многоболѣзную душу раба Своего Николая въ селеніяхъ праведныхъ, и да будетъ духъ его смиренія сугубъ въ насъ, и да речетъ о немъ Милосердый судія и Богъ, Отецъ нашъ небесный: добрый рабе, благій и вѣрный! вниди въ радость Господа твоего! Аминь.

Дѣла
настырѣ, к
мужскаго
Среди
въ кожу к
озаглавлен
монастыря
писки запи
листа пише
по указу Б
Петра Але
сіи Самоде
Брянскій на
нѣшній ѿк
вотчина се
трехъ двор
гой, рекрут
два алтына
седла по д
станы по д
ре деньги,
лѣ монасты
драгунамъ
деньги, дво
съ рубля п
начей іером
принялъ Б
принято же
семь рублей
въ казнѣ“